

«Корень всех зол – сребролюбие...»

**(особенности включения библейского пласта в художественную
ткань романа
Георгия Вайнера «Умножающий печаль»)**

Автор работы:
Субботина Анастасия Александровна,
МБОУ гимназия № 1 г. Мончегорска
11 Б класс

Научный руководитель:
Степанова Галина Юрьевна,
учитель русского языка и литературы
МОУ гимназия № 1 г. Мончегорска

« Корень всех зол – сребролюбие...» (особенности включения библейского пласта в художественную ткань романа Георгия Вайнера «Умножающий печаль»)

Краткая аннотация

Данная работа посвящена исследованию особенностей включения библейского пласта в художественную ткань романа Георгия Вайнера «Умножающий печаль» и определению функций библейского текста в реализации авторского замысла.

Используя поисковый, сравнительный, а также эмпирические методы исследования, автор выявляет основные способы включения библейских образов, сюжетов, мотивов в произведении, определяет их функции; а также обнаруживает специфику авторской интерпретации библейских канонов.

Новизна проведенного исследования заключается в самостоятельном поиске библейских включений в текст романа Вайнера, а также в попытке определения особенностей авторской интерпретации библейских сюжетов.

« Корень всех зол – сребролюбие...» (особенности включения библейского пласта в художественную ткань романа Георгия Вайнера «Умножающий печаль»)

Аннотация

Имя Георгия Вайнера, одного из знаменитого тандема «Братья Вайнеры» не нуждается в дополнительной рекламе – на известных всей стране произведениях этих авторов выросло целое поколение. Вышедший в 2000 году роман Г. Вайнера «Умножающий печаль» становится ярким явлением в современной литературе, причина этого кроется не только в своеобразии идейной проблематики произведения, но и в необычности «реконструкции» автором библейского текста.

Актуальность: специальное изучение включения библейского пласта в роман Вайнера «Умножающий печаль» является актуальной задачей литературоведения не только потому, что на данный момент не выпущено ни одной специальной работы, посвященной изучению этого вопроса, но еще и потому, что исследование присутствия текста Библии в романе современного автора способствует выявлению закономерностей взаимодействия культур разных эпох.

Цель: Исследование особенностей функционирования библейского текста и определение его функций в реализации авторского замысла романа Георгия Вайнера «Умножающий печаль»

Задачи:

1. Выявить основные способы библейских включений в художественный мир романа.
2. Изучить функций библейских включений в романе.
3. Выявить специфику функционирования библейского текста в новом культурно-историческом контексте.
4. Определить роль библейских включений в раскрытии авторской позиции.
5. Определить особенности авторской интерпретации библейских сюжетов.

Объект исследования:

Роман Георгия Вайнера «Умножающий печаль»

Предмет исследования:

Особенности включения библейских текстов в художественную ткань романа.

Методы исследования:

1. Эмпирические методы: а
 - изучение литературы по теме
 - контент - анализ (анализ источников)
2. Теоретические методы:
 - логические методы познания (анализ, синтез, классификация, сравнение, обобщение, систематизация)
 - метод формирования гипотез
3. Практические методы:
 - составление рекомендаций для использования материалов данного исследования в практической деятельности

Выводы, сформулированные по итогам проведенного исследования, полностью подтверждают выдвинутую автором гипотезу: библейские мотивы, символика, образы составляют особый план характеров и сюжетов романа «Умножающий печаль», вплетаются в систему отношений героев, которые могут быть спроецированы на всемирно-известные христианские типы. Вайнер ориентируется на христианскую мифологию, гениально интерпретируя библейские мифы и притчи, соотнося их с новыми историко-культурными условиями.

Выявленные в ходе работы основные приемы включения Библии в текст романа позволяли определить их роль в раскрытии авторского замысла.

Содержание

План исследований.....	стр. 3 - 5
2. Основная часть.....	стр. 6 - 14
особенности включения библейского пласта в художественную ткань романа Г. Вайнера «Умножающий печаль»	
2.1. «Реконструкция» библейского текста.....	стр. 6 в романе Г. Вайнера «Умножающий печаль»
2.2. Многоплановость романа.....	стр. 7
2.3. Основные приемы включения Библии.....	стр. 7 - 14 в художественную ткань романа Г. Вайнера «Умножающий печаль»:
а) смысл заглавия романа.....	стр. 7 - 8
б) категория времени в произведении.....	стр. 8 - 9
в) прямое заимствование библейского сюжета.....	стр. 9 - 10
г) использование библейской аллюзии в романе.....	стр. 10 - 11
д) включение библейских символов в структуру.....	стр. 11 - 12 романа «Умножающий печаль»
е) непосредственное включение библейской лексики.....	стр. 12 - 16 в художественную ткань романа
ж) портретные детали героев романа в соотнесении.....	стр. 16 с библейским каноном
Заключение.....	стр. 17 – 18
Список использованной литературы.....	стр. 19

План исследований

Георгий Вайнер. Легендарное имя из легендарного тандема «братья Вайнеры», – автор широко известных романов «Я, следователь», «Город принял!...», «Эра милосердия», «Визит к Минотавр» и многих других. Снятые по сюжетам его романов фильмы смотрели очень многие.

В 2000 году, после долгого перерыва, Вайнер выпускает новый роман «Умножающий печаль», который сразу же привлекает к себе пристальное внимание публики не только захватывающим сюжетом и глубиной идейной проблематики, но и своеобразием языкового воплощения авторского замысла.

На наш взгляд, одной из основных причин того факта, что роман становится очень ярким событием, является мастерская интерпретация автором библейского текста; решая основные нравственные вопросы человечества, писатель соотносит их с новым историко-культурным содержанием.

Данная работа посвящена исследованию особенностей включения библейского пласта в художественную ткань романа Г. Вайнера и определению их роли в раскрытии авторского замысла.

Актуальность:

Специальное изучение включения библейского пласта в роман Вайнера «Умножающий печаль» является актуальной задачей литературоведения не только потому, что на данный момент не выпущено ни одной специальной работы, посвященной изучению данного вопроса, но еще и потому, что исследование присутствия текста Библии в романе современного автора способствует выявлению закономерностей взаимодействия культур разных эпох.

Цель исследования:

Выявить особенности функционирования библейского текста в романе Георгия Вайнера «Умножающий печаль»

Задачи:

6. Выявить основные способы библейских включений в художественный мир романа.
7. Изучить функции библейских включений в романе.
8. Выявить специфику функционирования библейского текста в новом культурно-историческом контексте.
9. Определить роль библейских включений в раскрытии авторской позиции.
10. Определить особенности авторской интерпретации библейских сюжетов.

Объект исследования:

Роман Георгия Вайнера «Умножающий печаль»

Предмет исследования:

Особенности включения библейского текста в художественную ткань романа.

Анализ использованной литературы:

Учитывая тот факт, что в настоящее время не издано ни одной критической литературоведческой работы, посвященной анализу романа Георгия Вайнера «Умножающий печаль», проведенное исследование полностью строилось на самостоятельном отборе и анализе функций библейских включений в текст романа. Поэтому высказанные в ходе проведенной работы предположения могут носить дискуссионный характер, но мы и не ставили своей целью высказать однозначные суждения. Текст романа Г. Вайнера – материал для продолжительного, очень тщательного исследования, а представленная работа – это начальный этап кропотливой работы по исследованию поэтики произведения современного автора.

Теоретическая база исследования:

Проблеме взаимосвязи мировой литературы и Библии посвящено немало литературоведческих работ, авторы которых глубоко исследовали вопрос влияния Священной Книги на тематическое и идейное содержание художественных произведений. Библия как основа христианской культуры стала неисчерпаемым источником ведущих идей, образов и мотивов во всех сферах искусства. Библейский языковой стиль, словарь и синтаксис, библейская образность, а главное, смысловое содержание Библии оказывали и оказывают влияние на многие поколения писателей.

Еще в конце XIX – начале XX века русских философов интересовал вопрос идейных переключек библейского мироучения и романного мышления Федора Михайловича Достоевского (работы В. Соловьева «Три речи о Достоевском», Н. Бердяева «Откровение о человеке в творчестве Достоевского» и т.д.).

Литературоведы XX века не просто продолжили работу своих предшественников, они вывели исследование взаимосвязи литературы и Библии на новый уровень, определяя переключки не только в плоскости идейного содержания, но и на уровне поэтики художественного произведения (работы В. Иванова, Л. Гроссмана «Поэтика Достоевского», Д. С. Лихачева «Внутренний мир художественного произведения», М. Б. Храпченко «Сюжет и творческий метод»).

Говоря о современном литературоведении, хочется отметить тот факт, что, исследуя вопрос взаимосвязи библейских образов, сюжетов, символики, синтаксиса, образности и произведений художественной литературы, ученые обращаются к проблеме интерпретации библейских канонов писателями середины XX века (работы Кремневой А. В. «Функционирование библейского мифа как прецедентного текста», «Библейский миф как компонент идиостиля писателя»)

Этапы исследования:

I этап – разработка программы исследования, изучение литературы по теме;

II этап – аналитический;

III этап – оформление данных, описание исследования

Методы исследования:

1. Эмпирические методы:

- изучение литературы по теме
- контент - анализ (анализ источников)

2. Теоретические методы:

- логические методы познания (анализ, синтез, классификация, сравнение, обобщение, систематизация)
- метод формирования гипотез

3. Практические методы:

- составление рекомендаций для использования материалов данного исследования в практической деятельности

Научная новизна

Научная новизна исследования состоит в самостоятельном поиске библейских включений в текст романа Вайнера «Умножающий печаль», определении их роли в раскрытии авторского замысла, а также в попытке определения особенностей авторской интерпретации библейских сюжетов.

Практическая значимость:

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что представленные в ней результаты анализа текстового материала и выдвинутые теоретические предположения могут быть использованы в курсе изучения современной литературы, также они могут быть использованы в качестве практического материала к изучению курса «Мировая художественная культура».

Гипотеза исследования:

Если проанализировать роман Георгия Вайнера «Умножающий печаль», то возможно выявить основные приемы включения библейского текста в художественную ткань произведения, определить особенности его функционирования и специфику авторской интерпретации библейских сюжетов.

2. Основная часть. «Корень всех зол – сребролюбие...»(особенности включения библейского пласта в художественную ткань романа Георгия Вайнера «Умножающий печаль»)

2.1. «Реконструкция» библейского текста в романе Г. Вайнера «Умножающий печаль»

В одном из писем к брату Федор Михайлович Достоевский писал: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать ее всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу остаться человеком».¹ По мысли великого русского писателя, решить вопрос о человеке – значит, решить вопрос о Боге. Можно по-разному воспринимать это утверждение, но неизменно мудрой остается мысль о том, что именно Библия является «Книгой человечества», потому что в ней заложен вечный и неисчерпаемый источник ведущих идей, образов и мотивов всех сфер искусства; потому что в ней не только содержится нравственная философия, в Книге Книг решается та же проблема, которая является основополагающей для человечества – проблема выбора человеческого сознания, где «...Бог с дьяволом борется...».²

Мне кажется, что постоянный диалог художественной литературы с Библией характерен именно для русского языкового сознания, потому что «странности» русской души во-многом обусловили национальную склонность к решению «вечных» вопросов и постоянную тягу русских к самопознанию, к выбору «между Богом и дьяволом»

Современная русская литература не стала исключением: писатели снова и снова возвращаются к Библии, разница между классической и современной литературой в подходах к осмыслению Библии, на мой взгляд, заключается в одном: включение евангельских мотивов, символов, аллюзий позволяли писателям прошлых веков заострить идейную проблематику художественных произведений; современные писатели в попытке решить философские вопросы бытия не пересказывают библейские сюжеты, а переосмысливают и интерпретируют, соотнося их с новым историко-культурным содержанием.

Одним из ярчайших примеров такой «реконструкции» библейского текста является роман Георгия Вайнера «Умножающий печаль».

Внимательное прочтение произведения привело нас к мысли о том, что обращение писателя к библейскому мифу обусловлено ясно ощущаемой в последние десятилетия потерей нравственных ориентиров, размытостью понятий «добро-зло», «предательство-верность», «истина-ложь».

Изображенный в романе период рубежного перехода (действие происходит за «...534 дня до наступления 2000 года.»)³, период смены веков и тысячелетий является не просто временем кризисного сознания – это время переосмысления, время, напрямую соотнесенное Вайнером с Апокалипсисом, временем мучительного выбора человечества, временем потерь и трагедий. Особую смысловую значимость придает данной переключке выбор места действия – Россия накануне дефолта 1998 года, который, действительно, стал неким временным водоразделом, проверившим нацию на выживаемость.

События накануне великого Выбора 2000-года и становится тем «полем битвы», где «Бог борется с дьяволом» за человеческую душу.

Библейские мотивы, символика, образы составляют особый план характеров и сюжетов романа «Умножающий печаль», вплетаются в систему отношений героев, которые могут быть спроецированы на всемирно-известные христианские типы. Вайнер ориентируется на христианскую мифологию, гениально интерпретируя библейские мифы и притчи. Библейский пласт обнаруживается и в речевой организации произведения, и в использовании библейских мифологем, и в плоскости решения общефилософских проблем.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя стр. 54

² там же стр. 123

³ Вайнер Г. Умножающий печаль стр. 6

2. 2. Многоплановость романа

Роман «Умножающий печаль» представляет собой многоплановое единство, в котором текущая действительность (конец 90-х годов XX века) переплетается с прошлым (событиями 25-30 летней давности). Именно события этого плана определяют тематическое содержание романа: историю трагической развязки дружбы трех друзей: Сергея Ордынцева, Александра Серебровского и Константина Бойко.

Однако это лишь внешняя, явная видимость, это констатация факта, пошаговый распад отношений. События внешней фабулы связаны с более глубокой, лежащей за пределами земного сознания действительностью.

Философское объяснение причин трагического финала романа находится в другом пласте – библейском; пласте, в котором содержится общечеловеческая причина существования любви и ненависти, обоснование права человека на выбор. Вайнер не только ввел в роман текущую действительность и события недавнего прошлого, но и сверил их с опытом прошлых веков человечества.

Итак, нашей основной задачей становится поиск библейских вкраплений в ткань художественного произведения и попытка осмысления их значения в раскрытии авторского замысла.

2.3. Основные приемы включения Библии в художественную систему романа Г. Вайнера «Умножающий печаль»

а) смысл заглавия романа

Диалог с Библией начинается уже с заглавия романа, который представляет собой усеченную библейскую аллюзию на притчу об израильско-иудейском царе Соломоне.

Согласно Библии, Соломон славился необычайной мудростью, по преданию он является автором некоторых ее книг, в частности «Екклесиаста», слова из которого стали одним из эпитафий к произведению. Название романа является интерпретацией высказывания царя Соломона: «Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь», но вместо слов «умножает скорбь» Вайнер использует фразу «умножающий печаль».

Причина того, почему же автор изменяет глагол «умножает» на причастие «умножающий» и вместо слова «скорбь» использует синоним «печаль», находится в тексте романа (глава «Старчество»).

Данная глава – это не только единственное место в произведении, где рядом с олигархом Серебровским появляется священнослужитель, это еще и один из идейных центров романа, в котором осмысливается антитеза «деньги – мудрость».

На слова епископа Арсения: «Большая смута у вас в душе...»⁴ Серебровский ернически искажает слова Библии: «Мы...идем к истине Господней трудными путями...». Путь магната к «истине господней» епископ считает особенно трудным, потому что он «...не от смирения, а от звенящей гордости..., желающие обогащаться впадают в искушение и погружают людей в бедствие. Ибо корень всех зол - сребролюбие ». И вот тогда-то олигарх использует в качестве главного аргумента слова Соломона: «...умножается имущество, умножаются и потребляющие его. Разве это не оправдание всего, что я делаю?»⁵

Вопрос о преумножении богатства постепенно трансформируется в антитезу « богатство-мудрость». Серебровский доказывает священнику неискренность высказываний Соломона, на что епископ отвечает, что истинная мудрость состоит в способности человека при невероятном могуществе отказаться от всего.

⁴ Вайнер Г. Умножающий печаль стр. 285

⁵ там же стр.286

Финальные слова епископа Арсения: «Мудрость дает защиту, как дают...деньги, но мудрость лучше ...денег, ибо может спасти жизнь»⁶ не просто ставят точку в споре Серебровского и епископа, но и определяет философский смысл понятия «мудрость».

Неслучайно, решая вопрос о вере и безверии, о противопоставлении богатства мудрости, автор обращается к словам Соломона. Однажды царю Соломону, мучавшемуся сомнениями, явился во сне Бог, у которого царь попросил «...сердце разумное, чтобы...различать, что добро, что зло».

Получив от Господа бесценный дар мудрости, Соломон смысл жизни видел в почитании Бога, потому что «...в этом все для человека».

Вот именно этой «мудрости» - умения различать добро и зло, умения понимать, что истинно ценно, а что преходяще, и нет у Серебровского, в душе которого, действительно, царит великая смута, ибо Бог и Дьявол борются между собой. Гордыня человеческая, жажда власти заслонила вечные ценности, и поэтому так одинок олигарх, и покой ему приходит только во сне, где он – царь Мидас, желающий благоденствия народу своему, царь, лишившийся дружбы и любви, слышит напутствие Соломона: «Никто не ведает меры страдания, цены богатства и силы любви. Уповай...».⁷

Серебровский, который взобрался на свой жизненный Олимп, произносит пламенную оду деньгам: «Деньги – мои самые верные друзья,...помощники...неустрашимые наемники»⁸. За безграничную власть, за то, что Серебровский стал «...сам себе Мефистофель...», они взяли человеческую душу, ибо «плата за великую честь – утерянная любовь».⁹

Потеряв все то, что по божьим и человеческим законам является истинно ценным в мире: веру, любовь, бескорыстную преданность, герой становится «другим» - «умножающим печаль»; интерпретируя библейскую легенду, Вайнер заставляет Серебровского самому сказать правду: «Деньги...все время умножают печаль. Вечно манят мир обманкой обещанного ими богатства».¹⁰

Ссылка на слова библейского царя Соломона, преломленная в названии романа, на наш взгляд, проходит на идейном уровне через все содержание произведения, что создает органичное единство двух сюжетных линий: библейской и авторской, превращая текст в сюжетную метафору и способствуя новому прочтению старой притчи о добре и зле.

б) категория времени в произведении

Еще раз повторимся, что в романе тесно сопряжены два временных пласта: события конца XX века и Вечность. В этой плоскости человек оказывается одинаково связан невидимыми нитями как с бытием Бога, так и с существованием дьявола, что отражает библейский принцип мироустройства. Все основные герои романа проходят свой путь «на Голгофу», свой процесс духовного движения.

Интересен тот факт, что временное пространство представлено только двумя категориями: прошлым и настоящим. В прошлом была дружба трех друзей, трех «ремарковских товарищей», «дарящих себя друг другу без остатка»¹¹ «безумная любовь Кота к Марине». В настоящем есть олигарх Серебровский, выясняющий отношения с Бойко. Между двумя этими временами прошел некий рубеж, «...жизнераздел,...где сломалась дружба...»¹². Причем событиям прошлой дружбы и тревожного настоящего посвящено много страниц романа.

Нынешняя жизнь в России постоянно сравнивается Вайнером с безумным нереальным карнавалом, игрой, что вносит в произведение элемент недоверности, зыбкости: «В России сейчас самый шумный карнавал за всю историю. Удивительная, похожая на сон шикарная оргия», - объясняет Серебровский удивленному увиденным в Москве Ордынцеву.

⁶ там же стр.288

⁷ там же стр. 444

⁸ там же стр. 238

⁹ там же стр.256

¹⁰ там же стр.132

¹¹ там же стр. 352

¹² там же стр. 363

Что же касается будущего, то оно не просто туманно, его почти и нет: неизвестно куда уезжает Кот Бойко, потерявший в России «...всех, кого ...здесь любил»¹³, на перепутье после тяжелого нравственного выбора остается Ордынцев, задающийся вопросом: «Куда идти?».

Категория даже возможного будущего в утвердительном значении не появляется в романе, рядом с понятием «будущее» всегда соседствует слово «нет»: «Ничто из прекрасного прошлого не повторится. Будущего у него нет...»(говорит о Константине Бойко Серебровский), «Я не люблю глядеть в бездну (объясняет сам Серебровский о возможностях будущего)¹⁴

Серебровский, потерявший Марину и «...готовый держать на плечах ...эту великую миссию...», в финале мечтает о Рае и впервые думает о Боге.

Создается впечатление некоей загадочности, потому что и Сергей Ордынцев, и Кот Бойко появляются на страницах романа откуда-то извне: один из Франции, другой – из колонии. О том, что происходило в той, прошлой жизни, читателю сообщаются единичные факты, по которым невозможно составить целостное представление.

Основные события происходят с героями только в настоящем времени – в сюжетной линии, где и разворачивается главная трагедия. Так же, как и появившись загадочно, они и исчезают, читателю очень трудно домыслить возможные события, хотя автор и использует композиционный прием «открытого финала».

Наиболее реален из персонажей Александр Серебровский, хотя и его прошлое покрыто мраком, но его последний внутренний монолог обозначает перед читателем возможную перспективу его будущего: «Какое-то время я буду болеть..., отхаркивать...куски души,...а потом буду дальше держать на плечах свод земли»¹⁵.

Таким образом, второй раз появляется в романе момент рубежа, жизненного раздела, отделившего реальную карнавальную жизнь от призрачной будущей. Герои появляются из «инога мира» и в него же исчезают. Прием сюжетной двуплановости является важной составляющей авторской концепции: герои Вайнера оказываются одновременно живущими в мире действительного настоящего и призрачного Вечного.

в) прямое заимствование библейского сюжета

В других случаях автор романа «Умножающий печаль», выводя мифологические образы в современность, обращается к прямому использованию библейских сюжетов.

Прямое указание на притчу о Каине и Авеле появляется уже на первых страницах романа, когда Сергей Ордынцев при встрече тихим голосом задает Серебровскому мучительный вопрос:

«- Слушай. Хитрый Пес, а где брат твой – Бойко?»

В ответ следует почти дословная цитата из Библии – слова, принадлежащие Каину:

« - Не брат я больше сторожу моему».¹⁶

Вайнер не искажает слова Библии, он всего лишь меняет местами некоторые слова

Сравним: «Не сторож я больше брату моему» (Библия)

« Не брат я больше сторожу моему» («Умножающий печаль»)

Поменяв местами два слова, Вайнер переносит акцент со слова «сторож» на «брат»: то есть, 25-летняя дружба завершена, для Серебровского Кот Бойко – угроза, с которой он намерен расправиться. На недоуменную реплику Ордынцева Хитрый Пес жестко отвечает, будто прибавляет ответ: «...бизнес и дружба – явления разнохарактерные...К сожалению, у богатых не бывает друзей»¹⁷. Вот так быстро и однозначно решен вопрос – что выше: богатство или нравственная категория преданности.

Фраза о братстве не единожды возникает в тексте: ее произносит мать Серебровского: «...опомнись, Саша...этот бандит целую жизнь был тебе как брат...»¹⁸; Кот Бойка, лежа на крыше небоскреба с карабином в руках, перед тем, как послать пулю в колесо автомобиля

¹³ там же стр. 443

¹⁴ там же стр. 108

¹⁵ там же стр.438

¹⁶ там же стр.52

¹⁷ там же стр.52

¹⁸ там же стр.207

Серебровского, разговаривает со старым самурайским демоном: «Цакуга-дзен, мне горько. Мы были как братья...»¹⁹

Однако Вайнер не просто ссылается на библейский текст, он интерпретирует его, соотносит с современностью. Не давая никакой оценки поступку библейского Каина, он устами своих героев пытается осмыслить действия Серебровского и Бойко, каждый из которых нарушил заповедь «не убий», пусть даже и мысленно. Не оправдывая ни одного из героев и практически не комментируя их действия внешне, он добивается этого путем введения антитезы »дружба – золото», «любовь – власть». Именно на этих понятиях и ломается многолетние отношения.

Вводя в качестве основного лейтмотива романа притчу о Каине и Авеле, автор параллельно решает очень важную для человечества философскую проблему выбора. Каждый из основных героев оказывается в ситуации, от решения которой зависит вся его дальнейшая жизнь.

Сергею Ордынцеву, встретившемуся со старым другом, который за время его отсутствия превратился в олигарха, приходится делать выбор между «...кисло-сладкой жизнью прикола у Буратино...» и «...памятью вместе прожитой жизни».²⁰ К концу романа он этот выбор совершает, помогая Коту Бойко улететь по своим документам во Франкфурт: «память прожитых лет» оказалась сильнее и крепче золота и власти.

Александрю Серебровскому уже почти нечего решать – он уже практически выбрал между счастьем и «сладким обольщением богатства». Точку в этом выборе ставит смерть Марины, которая была «острым, щемящим счастьем». При жизни мучительная любовь к ней оставляла место для душевных проявлений, уход Марины дал Хитрому Псу повод честно признаться самому себе: «...умереть я был готов,...а поменять жизненное призвание на жизнь с тобой – ни за что!»²¹

Даже для сына Серебровского, Ивана, наступает момент своего выбора между свободой и долгом. Оказавшись в парке Горького, Кот Бойко пытается внушить 13-летнему подростку, что «...чемпионами жизни становятся те, кто сильнее своего страха».²² А рассказывая затем Ивану древнюю легенду о Чанге и Энге, он в иносказательной форме объясняет, что свой выбор он уже давно сделал: «Свобода...дороже жизни. И платишь за нее только тем, что ...по-настоящему дорого».²³ Бойко – почти единственный персонаж в романе, кто не находится в ситуации выбора, для него уже давно все решено, основные жизненные ценности накоплены.

Таким образом, решая одну из основополагающих философских проблем, Вайнер не просто обращается за помощью к всемирно известным библейским притчам, он наполняет их содержание новым историческим звучанием. Автор утверждает свободу выбора человека, который может господствовать над соблазном, над своим грехом, что придает ему величие. И Каин, и Авель соседствуют в душе каждого из нас, но истинное величие человека состоит в свободном выборе: кто победит?

г) использование библейской аллюзии в романе

Другой прием, который характерен для поэтики романа «Умножающий печаль», - это аллюзия, сюжетная параллель, которая встречается в произведении довольно-таки нечасто. Не всегда сразу различимая аналогия с евангельской историей появляется в романе всего несколько раз.

Константин Бойко, которого возвращают из колонии в Москву, оказывается в вестибюле гостиницы «Континенталь», и в момент саркастичного рассуждения героя об увиденном вокруг, автор вводит сразу две библейские аллюзии: первая из них является отзвуком истории о сотворении Евы: « рубцы и шрамы на моем теле: через них вынимали мои ребра, чтобы сотворить вас, мои Евы...». Особую остроту сарказму героя придает тот факт, что местные Евы –

¹⁹ там же стр.325

²⁰ там же стр. 101

²¹ там же стр.438

²² там же стр. 246

²³ там же стр. 252

это »...недорогие, но любимые мною девочки, дающие самое большое счастье за небольшую копеечку».²⁴

Вторая аллюзия связана с описанием самого вестибюля гостиницы, который предстает перед героем как пародия на Рай: «Мы будем сидеть...под шелестящей пластмассовой листвой бутафорского сада, под шорохом хрустальных струй фонтана из местной канализации». И чуть ниже Вайнер употребляет достаточно оценочную метафору «туфтовый рай, на выходе из которого светится маленькое красное табло – Дорога в ад».

Наверное, самой яркой и пронзительно-горькой является трудно уловимая переключка с историей предательства Иисуса Христа Иудой, хотя слово «серебро» и однокоренные ему звучат на страницах романа достаточно часто. Один из главных героев носит фамилию Серебровский, что отражает не только его социальный статус олигарха – создателя ценностей, но и является своеобразным символом результата выбора Хитрого Кота между любовью, дружбой и властью, потому что для него именно деньги – основная составляющая могущества.

В одном из первых разговоров Ордынцева и Серебровского история «тридцати сребреников» звучит уже достаточно прозрачно: «...ты просто назначил свою котировку тридцати сребреникам»²⁵.

В финале романа мотив предательства обозначен уже четко – Верный Конь, спасая Кота и блефуя перед Кузьмичем, «...взял его ...ладонь, наклонился и плюнул в пригоршню. Сжал с силой его пальцы и ...сказал:

- Будьте вы все прокляты, хриstopродавцы».²⁶

д) включение библейских символов в структуру романа «Умножающий печаль»

Анализируя образную систему романа «Умножающий печаль» с позиций библейских аналогий, прежде всего, обращает внимание на себя практически полное отсутствие собственно евангельских образов и христианской символики. Возможно, это связано с тем, что, изображая Россию конца 90-х годов XX века как кошмарный ирреальный карнавал, где люди «носят маски», где один из главных героев произносит: «Жизнь – это не то, что с нами происходит, а то, как мы к этому относимся»²⁷, Вайнер, решая основные общечеловеческие проблемы, не смог соотнести нынешнее состояние кризисной России с библейскими ценностями.

При внимательном изучении романа удалось выявить всего несколько примеров использования писателем очень трудно читаемых параллелей, причем мы осознаем тот факт, насколько спорны выдвинутые нами предположения, так как очень велика вероятность субъективного прочтения произведения.

Одним из примеров использования, мы бы даже сказали, интерпретации библейской символики, является образ оберега – браслета на руке Ордынцева, состоящего из шести пуль, оправленных Котом Бойко в золото. В день рождения Серебровского Ордынцев дарит его, дарит как последнюю возможность доказать Хитрому Псу, что «не все продается», дарит как обет, как напоминание о юности, когда деньги еще не разделяли друзей:

« - Саня, это не подарок, я передал тебе обет...Ты теперь другой...Но на этом браслете – твои слезы, моя кровь. И любовь, которую вложил в нас Кот. Не снимай его никогда».²⁸

Подарок, оберег, который Ордынцев не снимал никогда, является, на наш взгляд, очень мастерской интерпретацией символа «щита небесного», иконки, ладанки, которую издревле вешали на шею, желая защитить, передать часть своей силы, желая очертить некий магический спасительный круг около человека. Попытка Сергея остановить Серебровского, спасти его от самого себя окончилась крахом – тот резко произносит: «Я не дам Коту сломать дело своей жизни. И если он появится в округе со своей дурацкой аркебузой, я велю изрешетить его в

²⁴ там же стр. 26

²⁵ там же стр. 100

²⁶ там же стр. 436

²⁷ там же стр. 81

²⁸ там же стр. 385

ключья».²⁹ В конце романа он дает Сафонову «добро» и на убийство Ордынцева: «Сегодня же реши этот вопрос!»

Еще одним примером очень трудно читаемой параллели с библейской символикой является образ «райского яблочка», который связан в романе с Лорой Теслимовкой. «Яблочко мое, теслимовка», - называет ее постоянно Бойко.

В мировой мифологии образ яблока имеет двойное значение: символ первородного греха и знак спасения человечества, искупление его грехов. Лора – единственный персонаж, который бескорыстно и трогательно дарит свою жизнь любимому человеку. Уезжая в конце романа в глухую деревню, она приносит жертву: отказывается от Бойко ради его спокойствия, потому что не хочет быть для него «...камнем на шее».

Однако, на наш взгляд, образ Лоры в большей степени ассоциируется не с образом яблока (эта параллель лежит буквально на поверхности), а с символом прохладного кристально-чистого источника, текущего в саду Эдема. Не случайно, описывая этот персонаж, Вайнер так часто использует эпитет «прохладный»: «Боженька мой, так пьют в жажду холодную воду, так вдыхают чистый воздух...»³⁰ Лора вызывает светлые чувства, а ее тихая преданность, похожая на подвиг, является стеной, не только выстоявшей в этой сумасшедшей жизни, но и способной защитить Кота от непоправимого.

Таким образом, усиленный двумя очень важными в библейской символике образами: яблока и райского источника, персонаж Лоры Теслимовки, приносящей личное счастье в жертву, является райским источником, из которого напивается израненный жизнью Кот, неслучайно у него так часто возникают мысли о возможности «...остаться здесь, обрести покой...».

е) непосредственное включение библейской лексики в художественную ткань романа

Следующим этапом нашей работы стало изучение следов библейского присутствия на словесном уровне.

Список библейских слов, выделенных в процессе работы над текстом романа, включает около 50 слов, расположенных в порядке убывания их частотности: *жизнь* (129), *золото* (118), *сердце* (109), *Бог* (95), *власть* (88), *любовь* (82), *Господь* (78), *душа* (77), *счастье* (68), *Христос* (59), *свобода* (56), *сила* (54), *счастье* (48), *яблоко* (38), *вера* (37), *страдание* (35), *мудрость* (33), *вода* (31), *грех* (29), *истина* (25), *путь* (24), *источник* (20), *рай* (19), *добро* (19), *страх* (17), *черт* (17), *ад* (15), *Мадонна* (14), *смерть* (13), *неверие* (10), *сад* (9), *оберег* (8), *свет* (8), *бес* (7), *христианство* (7), *дьявол* (7), *церковь* (7), *святость* (6), *мрак* (6), *молитва* (5), *Писание* (4), *свеча* (4), *ангел*, *ангелица* (3), *тлен* (2), *рабство* (2), *апостол* (1), *тесло* (1), *гранило* (1), *добродейство*, (1) *щит небесный* (1)

Как показывает лексический анализ этих слов, большинство из них – слова абстрактной семантики, связанные с основными общефилософскими понятиями: жизнь, любовь, власть, душа, счастье, свобода, страдание, добро и т.д. Помимо абстрактной семантики, в число библейских входят и слова конкретной семантики, связанные с ситуациями, описанными в библейских сюжетах: сад, яблоко, берег, тесло, гранило, вода, источник, щит небесный.

По характеру своего значения все они могут быть сгруппированы в несколько связанных между собой смысловых групп. На наш взгляд, основными понятиями, вокруг которых сгруппирована библейская лексика, являются понятия: «добро-зло» и сгруппирована она по двум по двум антогонистичным смысловым группам; основой для такого деления служит близость того или иного понятия к одной из двух общефилософских категорий, которые и определяют всю структуру произведения – это антитеза «добро – зло». Указанная антитеза не только воплощает основное идейное содержание Библии, но и является ведущей философской категорией, определяющей значимость и содержание человеческой жизни. Поэтому так много в романе контрастных понятий, а каждый из героев становится в ситуацию выбора, который и определяет его жизненную позицию.

²⁹ там же стр. 385

³⁰ там же стр. 67

Попробуем схематически отразить высказанное нами предположение:

ДОБРО	ЗЛО
бизнес	дружба
«...Бизнес и дружба – явления разнохарактерные...К сожалению. У богатых не бывает друзей». ³¹	
гармония	отсутствие гармонии
«Они не хотели гармонии. ...им нравился звук...скребущего по стеклу ножа». ³²	
счастье	сладкое обольщение богатства
«А что есть вместо счастья?...сладкое обольщение богатства». ³³	
воля	сладкая жизнь
«Вольная жизнь – ничего слаще не бывает. Кто машину словил, тот ярмо на шею соорудил...». ³⁴	
воля	рабство
«...я увидела спокойных и свободных людей, ...а вся наша жизнь - ...покорное озлобленное рабство...2». ³⁵	
власть любви, памяти	сила денег, могущество
« ...пока люди живы, власть любви и ненависти, память прошлой жизни сильнее ...денег, ...охраны, ...могущества». ³⁶	
богатство	любовь
« ...Это (титул олигарха) – пожизненный долг...плата – утерянная любовь». ³⁷	
любовь	страх
«Богам не нужна любовь. Им нужен страх...» ³⁸	
деньги	душа
«огромные деньжищи...тебе, Серега, ...это не по душе?» ³⁹	
деньги	человеческие ценности
«Хитрый Пес ...берет неимоверно дорого, за все, что продает, ...предлагает...деньги, а взамен берет у них талант, дружбу, верность, счастье...» ⁴⁰	
власть	воля
«Деньги дают власть, и она представляет сладостное право распоряжаться чужой свободой. Но за это власть берет в залог твою волю». ⁴¹	
богатые	бедные
«Богатые –невероятно интересная. Но малопонятная раса...Бедные - ...доступный, но...неинтересный народ.	
настоящая жизнь	сладкое обольщение богатством
«Давай сделаем другую жизнь, ...вернись к людям, ...стряхни наваждение...» ⁴²	
сила	слабость
« мы не ведаем, когда слабость становится силой, а унижение возвышает...Есть узы сильнее металла». ⁴³	
ад	рай

³¹ там же стр. 523

³² там же стр. 81

³³ там же стр. 84

³⁴ там же стр. 132

³⁵ там же стр. 272

³⁶ там же стр. 253

³⁷ там же стр. 256

³⁸ там же стр. 276

³⁹ там же стр. 313

⁴⁰ там же стр. 318

⁴¹ там же стр. 366

⁴² Там же стр. 418

⁴³ Там же стр.404

*«...и там ...ты дашь мне то, что я ...не смог получить здесь, - твою любовь. Это и будет Рай. Я заслужил его...адам здесь».*⁴⁴

смирение

гордыня

*« Ваши пути ...особенно трудны, ибо идете Вы к Богу не от смирения, а от звенящей гордыни человеческой»*⁴⁵

Мучительный выбор между любовью и богатством, между истинными человеческими чувствами и «сладким обольщением власти», в итоге, определяет основную сюжетную антитезу романа, именно этим и следует объяснить такое яркое, даже где-то демонстративное столкновение в ткани произведения ярко окрашенной бытовой лексики, во-многом отражающей авторское отношение к окружающей его «похожей на безумный карнавал оргии», где «...все покупается и продается», где становится стыдно за свою честность. Это иллюзорный мир денег и шумного карнавала, содержание которого и обусловило выбор автором определенного уровня лексики.

И все же, несмотря на окружающую пошлость и безверие, в человеке продолжают бороться Бог и Дьявол, Добро и Зло, поэтому рядом с хлестким сарказмом соседствуют почти дословные библейские цитаты.

В результате исследования мы пришли к удивительному выводу: чаще всего в романе прямое цитирование персонажами Библии происходит или в присутствии Серебровского близкими людьми, которые дают оценку его действиям, или (что совсем поразительно) произносятся самим героем, когда ему не хватает аргументов в споре:

- «Христос сказал: «Сладкое обольщение богатства» (Марина Серебровская)
- « В Писании сказано: «Мои пути – не ваши пути». ⁴⁶ (Александр Серебровский)
- «Не надейтесь на князи, на сыне человеческие, - сказано в Псалтыри. – И почести их, и гнев их – проходят»⁴⁷(Серебровский)
- «Как говорил святитель Тихон: «Сейте на песке, на пустой земле, на камне...»(Серебровский)
- «Апостол Павел сказал: желающие обогащаться впадают в искушение и погружают людей в бедствие и пагубу, ибо корень всех зол - серебролюбие, подвергающее многим скорбям и печалям» (отец Арсений)⁴⁸
- «Царь Соломон в божественных откровениях указал: умножается имущество, умножаются и потребляющие его». (Серебровский)
- «Царь Соломон...заповедовал: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того...» (отец Арсений).
- «И уйди из земли своей...иудеи унесли священный Ковчег, в котором хранили орудия мудрости – тесло и гранило». (Палей).
- «Ибо сказано навек: вершителям Добра будет Добро, и ни пыль, ни бесславие не покроет их лиц, и будут они жители Рая, в котором пребудут вечно». (Серебровский).

Позволим себе предположить, что так часто употребляемые Александром Серебровским цитаты из Библии, являются ключом, основным символом, открывающим нам, читателям, мучительнейшую диллему, решаемую на протяжении романа героем.

Человек, нарушивший все человеческие и божьи заповеди, говоря о котором Бойко употребит и вовсе мистическое определение: «Он – бес! Бес Пардонный»); человек, которому родная мать с болью кричит: «...ты стал сам себе Мефистофель – ты можешь выполнить любое свое желание...»; человек, выслушивающий от священника тихие слова: «Вам надо договориться с собой, с миром и с Богом, Вам не нужны оправдания, вам нужен душевный покой», этот герой

⁴⁴ Там же стр.439

⁴⁵ там же стр. 286

⁴⁶ там же стр. 379

⁴⁷ там же стр. 23

⁴⁸ там же стр.286

чаще других обращается к цитатам из Священной книги. Что это: ирония или глубоко скрытый авторский замысел?

Акцентируем еще раз внимание на том, что Вайнер ставит каждого из своих персонажей в ситуацию выбора, от решения которого зависит его дальнейшая судьба. Душа каждого из героев романа является полем битвы, «...где Дьявол с Богом борется», где решается основная философская проблема: что же победит в этой битве – Добро или Зло?

Трагичнее всего эта борьба совершается в душе Серебровского, у которого на кон поставлено слишком много, и оттого выбор становится не просто мучительным: огромное богатство, почти не ограниченная власть – и вечные человеческие ценности: Вера, Любовь и Память. Поэтому-то основным композиционным приемом романа является антитеза – борьба Добра со Злом.

Именно эта антитеза объясняет символику появления в романе имен царя Соломона и Мидаса. На наш взгляд, каждый из них является идейным воплощением полюсов антитезы: и перед Соломоном, и перед Мидасом стоит тот же выбор, который спустя тысячелетия решает для себя Серебровский: власть или душа? Каждый из них совершает свой выбор и становится воплощением тех последствий, которые возможны после совершенного выбора:

- Царь Соломон – полюс Добра, потому что «...при невероятном могуществе...нужна была большая мудрость, чтобы сказать в конце жизни: как вышел человек нагим из утробы матери, ...таким и отходит...Мудрость лучше любых денег, ибо может спасти жизнь». Соломон при невероятном могуществе в конце жизни свой выбор решает в пользу мудрости, отказываясь от богатства.
- Образ Мидаса символизирует полюс Зла, потому что он просит богов о власти:
« - Какая тебе нужна власть Мидас?
- Богатство! Безмерное, невиданное на земле...»

Прежде, чем одарить Мидаса безмерным богатством, Пан предупреждает о возможных последствиях: «...богатство ожесточает сердца,...приводит к одиночеству,...падение с этой высоты – смерть».⁴⁹

Цена такого выбора – одиночество «...сердце мое отворотилось от народа моего.», утерянная любовь « Я казнил Дакку», страх окружающих « ...они боялись меня...», потеря души «...сердце мое окаменело».

Серебровский идет вслед за Мидасом, совершая свой выбор, и потому к концу романа, «став сам себе Мефистофель», имея такую власть, которая может «...выполнить...любое желание...», теряет единственную любовь «...за это...ужасная плата – утерянная любовь...», становится одиноким «...тебя больше никто не любит, только бояться...», а душа «...отмерла, как ненужный человеку хвост».

В отличие от Мидаса, осознающего, что подарок богов – безмерное богатство, является пожизненной карой, проклятием, что он потерял вместе со сделанным выбором самое главное – душу: « Я хотел рассказать, что мой опыт...горше, ...что добрый человек не может владеть миром, ибо...умирает душа»,⁵⁰ Серебровский воспринимает свое одиночество, утерю человеческих ценностей как избранничество, великую миссию: « Я буду дальше держать...мир. Меня сюда поставила судьба, это...великая миссия. Избранничество».⁵¹

ж) портретные детали героев романа в соотнесении с библейским канон

Продолжая исследование особенностей функционирования Библии в романе Георгия Вайнера «Умножающий печаль», мы обратили внимание на своеобразии символичности портретов некоторых персонажей.

Внимательное прочтение произведения позволило нам вычленить единственный образ, напрямую перекликающийся с Библией – это образ Марины Серебровской. Уже при первом знакомстве читателя с ней обращает на себя внимание одна деталь – разные цвета глаз: «...светя

⁴⁹ там же стр. 194

⁵⁰ там же стр. 370

⁵¹ там же стр. 439

своими удивительными разноцветными глазами – темно-медовым правым, орехово-зеленым левым...».

Примечательно то, что, создавая образ удивительно прекрасной женщины, Вайнер нигде в тексте не дает детального портрета, ощущение нечеловеческой красоты создается с помощью очень ярких оценочных эпитетов: «баба-бес», «чертовская сила».

В образе Марины Серебровской заложена та же антитеза, которая определяет все идейное содержание произведения – борьба Добра со Злом. Поэтому, характеризуя героиню далее, писатель сталкивает рядом в романе дьявольское и божественное: «Божий промысел, дьявольская шутка..., смесь иконы и порнографической модели...».

Константин Бойко, для которого Марина на всю жизнь стала «наваждением», усиливает эту антитезу: «...мое проклятье, мое благословение, ...лик богородицы, вышедшей на панель». Данная характеристика напрямую связана с библейским образом Марины Магдалины.

Однако на этом параллель Мария Магдалина – Марина Серебровская заканчивается, образ героини больше никак не соотносится с образом библейской «Вавилонской блудницы», которая после изгнания из нее Иисусом семи бесов стала яркой приверженицей учения Христа, прошла с ним вместе путь до Голгофы.

Сочетая в облике героини два несовместимых понятия: дьявольское и божественное, Вайнер, на наш взгляд, отражает свое личное восприятие современного мира, в котором граница между Адом и Раем не просто размыта – она уже практически не видна.

Серебровская так же, как и все основные персонажи романа оказывается в ситуации выбора: ей приходится разрываться между любовью и «потерей себя». В такой неразрешимой тупиковой ситуации она находит единственно правильное для себя решение – спасая от смерти Кота, Марина гибнет, и в этот момент она обретает столь желанный покой: « разноцветные радужки стали в смерти одинаковыми... Она улыбалась!»⁵²

Таким образом, образ Марины Серебровской продолжает основную идейную антитезу романа; соотнося напрямую ее портретные характеристики с библейским образом Марины Магдалины, писатель не только раскрывает еще одну грань общечеловеческой проблемы выбора, но и отражает трагедию «волшебной» красоты, вынужденной существовать в окружающем мире «безумного карнавала, где все продается и все покупается».

В отличие от широко известного высказывания Ф. М. Достоевского о том, что «...красота спасет мир», Георгий Вайнер на примере образа Марины Серебровской говорит о гибельности существования Красоты в мире, в котором практически утрачены нравственные ориентиры. Не спасая никого, но и не губя никого, Марина находит свой выбор – освобождение (пусть и чужими руками) от жизни, в которой она не видит смысла.

⁵² там же стр. 436

Заключение

Таким образом, итоги проведенного исследования можно обобщить в следующих выводах:

1. Библия как основа христианской культуры стала для мировой литературы вечным и неисчерпаемым источником ведущих идей, образов и мотивов. Библейский языковой стиль, словарь и библейская образность, а главное, смысловое содержание Библии оказывали и оказывают влияние на многие поколения писателей.

2. Разница между классической и современной литературой в подходах к осмыслению Библии, на наш взгляд, заключается в следующем: включение евангельских мотивов, символов, аллюзий позволяли писателям прошлых веков заострить идейную проблематику художественных произведений; современные писатели в попытке решить философские вопросы бытия не пересказывают библейские сюжеты, а переосмысливают и интерпретируют их, соотнося их с новым историко-культурным содержанием.

Одним из ярчайших примеров такой «реконструкции» библейского текста является роман Георгия Вайнера «Умножающий печаль».

3. Внимательное прочтение произведения привело нас к мысли о том, что обращение писателя к библейскому мифу обусловлено ясно ощущаемой в последние десятилетия потерей нравственных ориентиров, размытостью понятий «добро-зло», «предательство-верность», «истина-ложь».

4. Библейские мотивы, символика, образы составляют особый план характеров и сюжетов романа «Умножающий печаль», вплетаются в систему отношений героев, которые могут быть спроецированы на всемирно-известные христианские типы. Вайнер ориентируется на христианскую мифологию, гениально интерпретируя библейские мифы и притчи.

5. Роман «Умножающий печаль» представляет собой многоплановое единство, в котором текущая действительность (конец 90-х годов XX века) переплетается с прошлым (событиями 25-30 летней давности). Именно события этого плана определяют тематическое содержание романа: историю трагической развязки дружбы трех друзей.

6. Внимательное прочтение романа позволило нам выделить несколько основных приемов включения Библии в художественное пространство романа:

- Диалог с Библией начинается уже с заглавия романа, который представляет собой усеченную библейскую аллюзию на притчу об израильско-иудейском царе Соломоне. Ссылка на слова библейского царя Соломона, преломленная в названии романа, на наш взгляд, проходит на идейном уровне через все содержание произведения, что создает органичное единство двух сюжетных линий: библейской и авторской, превращая текст в сюжетную метафору и способствуя новому прочтению старой притчи о добре и зле.
- В романе тесно сопряжены два временных пласта: события конца XX века и Вечность. В этой плоскости человек оказывается одинаково связан невидимыми нитями как с бытием бога, так и с существованием дьявола, что отражает библейский принцип мироустройства. Пространство представлено только двумя категориями: прошлым и настоящим. Между двумя этими временами прошел некий рубеж, «...жизнераздел, ...где сломалась дружба...». Категория даже возможного будущего в утвердительном значении не появляется в романе, рядом с понятием «будущее» всегда соседствует слово «нет».
- Следующим примером вплетения Библии в ткань романа является прямое заимствование Вайнером библейского сюжета: решая одну из основополагающих философских проблем, Вайнер не просто обращается за помощью к всемирно известным библейским притчам, он наполняет их содержание новым историческим звучанием. Автор утверждает свободу выбора человека, который может господствовать над соблазном, над своим грехом, что придает ему величие.
- Другой прием, который характерен для поэтики романа «Умножающий печаль» - это аллюзия, сюжетная параллель, которая встречается довольно-таки нечасто. Не всегда сразу различимая аналогия с евангельской историей встречается в романе всего несколько раз.

- Анализируя образную систему романа «Умножающий печаль» с позиций библейских аналогий, прежде всего, обращает внимание на себя практически полное отсутствие собственно евангельских образов и христианской символики. Нам удалось выявить всего несколько примеров использования писателем очень трудно читаемых параллелей – это образы «щита небесного» и «райского яблочка».
- Список собственно библейской лексики в романе, используемый автором, включает около 50 слов. По характеру своего значения все они могут быть сгруппированы в несколько связанных между собой смысловых групп. На наш взгляд, основными понятиями, вокруг которых сгруппирована библейская лексика, являются понятия: «добро-зло».
- Чаще всего прямое цитирование Библии использует в своей речи Александр Серебровский, что отражает трагическую борьбу Бога с Дьяволом в душе героя.
- Основным композиционным приемом романа является антитеза Добра и Зла. Именно эта антитеза объясняет символику появления в романе имен царя Соломона и Мидаса. На наш взгляд, каждый из них является идейным воплощением полюсов антитезы: и перед Соломоном, и перед Мидасом стоит тот же выбор, который спустя тысячелетия решает для себя Серебровский: власть или душа?
- Ярким примером включения библейской символики в пространство произведения является соотнесенность некоторых портретных характеристик персонажей с библейскими канонами. Создавая образ Марины Серебровской, чей портрет внешне напрямую соотносится с образом Марины Магдалины, Вайнер говорит о гибельности существования Красоты в мире, в котором практически утеряны нравственные ориентиры.

Список использованной литературы

1. Бабичева Ю. В. Библейские образы в пространстве русской художественной литературы. М.: «Паломнический центр «Россия в красках», 2002
2. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: «Просвещение», 1986
3. Вайнер Г. Умножающий печаль. М.: «Издательство АСТ», 2000
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя, М.: «Просвещение», 1992
5. Кремнева А. В. Библейский миф как компонент идиостиля писателя // Формирование социолингвистической компетенции: проблемы и перспективы. Тезисы международной научно-практической конференции. Барнаул, 1998
6. Кремнева А. В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на материале произведений Джона Стейнбека) // Культура и текст. Материалы научной конференции. Санкт – Петербург, 1997
7. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения// «Вопросы литературы», 1968
8. Храпченко М. Б. Сюжет и творческий метод – в книге Русско-европейские литературные связи. Сб-к статей. М, 1966